

A warm, inviting interior scene. In the foreground, a wooden table holds two ornate white teacups with floral patterns, each on a matching saucer. Steam rises from the cups, suggesting a hot beverage. To the right of the cups stands a classic brass lamp with a glowing, dome-shaped shade. An open book lies flat on the table in front of the lamp. In the background, a window looks out onto a snowy street with a street lamp visible. The overall atmosphere is cozy and intimate.

Александр Абросимов

**Свет, который мы не
выключили в прихожей**

Александр Абросимов

Свет, который мы не выключили в прихожей

<https://litres.ru/74194052>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь выстудил из них остатки веры в чудо. Он прячется от прошлого среди запаха древесной пыли и лака, отреставрировав свою жизнь до размеров крошечной мастерской. Она бежит от бессонницы по кругу офисных дедлайнов, сжимая в руках остывающий кофе и дыша строго по расписанию. Когда авария на теплотрассе буквально выбивает почву из-под ног, две параллельные прямые вынуждены сойтись в одной точке — его временном убежище, заваленном стружкой и чужими воспоминаниями. Здесь нельзя спрятаться за идеальными слайдами презентаций или фасадом непробиваемого спокойствия. Им предстоит научиться засыпать под шум дрели, лечить душевные ожоги горячим супом и понять, что настоящая прочность строится не из бетона, а из умения вовремя оставить в прихожей включенную лампу. Это история о тихом огне, способном согреть самый безнадежный холод большого города.

Содержание

Глава 1. Запах озона и скипидара	4
Глава 2. Полтора метра кафельной плитки	8
Глава 3. Синдром отложенной жизни	13
Глава 4. Пятьдесят оттенков бежевого	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Абросимов

Свет, который мы не выключили в прихожей

Глава 1. Запах озона и скипидара

Плитка в коридоре высасывала тепло даже сквозь подошвы зимних ботинок. Лидия сидела на крышке картонной коробки, обхватив колени руками и глядя в одну точку — на латунную цифру «4» собственной двери. Из-под нее тонкой струйкой била горячая вода, моментально остывая на сквозняке и превращаясь в серый кисель. Внутри квартиры монотонно гудел насос, откачивающий воду из спальни, а диспетчер управляющей компании обещал выездную бригаду через сорок минут. Сорок минут в мокрых носках.

Дверь напротив щелкнула так оглушительно, что Лидия вздрогнула. На пороге мастерской Арсения стоял он сам — босой, с закатанными до колен джинсами, по щиколотку в воде. В одной руке он держал разводной ключ, другой пытался заправить за ухо влажную прядь волос. От него пахло озоном после короткого замыкания старой проводки, едким

металлическим холодом прорванных труб и густым, сладковатым скипидаром, который намертво въелся в его кожу.

Лидия инстинктивно плотнее запахнула воротник кашемирового пальто, пытаясь спрятать свой привычный стерильный мир — ноты белого чая, дорогого хлопка и молекулярного парфюма без гендерной принадлежности. Этот выверенный годами аромат сейчас казался оскорблением, насмешкой над хаосом лестничной клетки. Его древесная пыль, впитавшая влагу и ставшая тяжелой грязью, физически вытесняла ее кислород.

— Перекройте стояк у себя, иначе я залью третий этаж, — голос прозвучал ровно, почти механически, как текст для озвучки подкаста. Ровный тон давался ей титаническим усилием; внутри мелко дрожало от унижения ситуации. Она была редактором, человеком, который выстраивает чужие вселенные звуковыми волнами, а теперь не могла собрать собственную реальность из текущих труб.

Арсений молча кивнул, мазнув по ней взглядом, в котором не было ни раздражения, ни сочувствия — только тяжелая, профессиональная усталость человека, чей день снова пошел прахом. Он опустился на корточки прямо в лужу перед распределительным щитком. Металл ключа лязгнул о вентиль. Брызги полетели на светлые брюки Лидии, остав-

ля темные кляксы на дорогой ткани.

Она хотела возмутиться, потребовать салфетку, вызвать такси куда угодно, лишь бы не сидеть здесь, чувствуя, как ледяной стыд поднимается от промокших стоп к горлу. Но вместо этого она смотрела на его руки. Пальцы, привыкшие чувствовать микротрещины в столетнем дубе, уверенно ложились на скользкий металл. Там, где кожа сходилась с железом, темнели полукружия въевшегося машинного масла.

Вода перестала прибывать. Гул насоса в ее квартире сменился жалким всхлипыванием остатков влаги в трубах. Тишина, повисшая между ними, оказалась густой, как лак. Арсений тяжело выдохнул, и в морозном воздухе повисло облачко пара. Оно мгновенно растворило остатки ее цветочного парфюма.

— У вас там совсем сухо? — спросил он, не оборачиваясь, стряхивая капли с пальцев прямо на бетон пола. Вопрос был чисто техническим, лишенным любой светской вежливости.

— Насос справился. Ковер в спальне мертв, — ответила Лидия, внезапно осознав, что впервые за три года назвала свою спальню просто «спальней», а не «зоной глубокого сна согласно циркадным ритмам».

Он наконец поднялся. Выпрямившись во все свои внушительные сто восемьдесят пять сантиметров, Арсений оказался слишком большим для узкого общедомового коридора хрущевской планировки. Он задел плечом медную трубу отопления, и та отозвалась глухим звоном.

— Можете зайти ко мне обсохнуть. Полы липкие, зато ветра нет, — бросил он через плечо, поворачивая ключ в замке своей мастерской. — Только снимите обувь, я только утром циклевал ясень.

Лидия посмотрела на свои безнадежно мокрые носки, затем на идеальную, хоть и заляпанную грязью полосу свежего лака на пороге его квартиры. Граница миров. Стерильность против пыли. Она медленно развязала шнурки. Тонкая нить ее прежнего контроля натянулась до предела, готовая лопнуть от первого же шага в чужой янтарный полумрак.

Глава 2. Полтора метра кафельной плитки

Трещина в потолке появилась ровно в три часа ночи, когда город за окном окончательно оглох от ветра. Сначала это была просто влажная точка на белой штукатурке прямо над чугунной ванной Лидии, но через секунду она разошлась паутиной капилляров, и ледяной водопад обрушился вниз, выбивая плитку со змеиным треском. Звук был настолько громким и чужеродным для ее стерильной квартиры, что мозг отказывался его обрабатывать.

Паника ударила адреналином под колени. Лидия метнулась к щитку, пальцы соскальзывали с пластика тумблеров. Свет погас, погрузив ванную в первобытный мрак, освещаемый только фарами проезжающих внизу машин. Вода лилась уже не струей — потоком, смывая с полок стеклянные банки с морской солью, которые она расставляла по фен-шуй цвета индиго.

Она выскочила в коридор, поскользнувшись на мокром паркете, и заколотила в дверь Арсения костяшками пальцев, разбивая их в кровь. Он открыл спустя вечность — сонный, с отпечатком складки подушки на щеке, пахнущий сухим деревом и безопасностью. Увидев потоп, он мгновенно стряхнул с себя дремоту. В нем щелкнуло что-то инженерное: он

оттеснил ее плечом, вбежал внутрь и голыми руками попытался прижать рвущуюся гибкую подводку смесителя, пока кипяток хлестал ему в предплечья.

— Газовый ключ! — рявкнул он, перекрикивая шум воды.
— Большой, нижний ящик кухни!

Лидия никогда раньше не открывала ящики на кухне Арсения. Они казались ей порталами в хаос: там лежали мотки сизаля, россыпи латунных гвоздей и засохшие тюбики краски. Она выдернула тяжелый, промасленный инструмент, чувствуя, как металл обжигает ладони холодом, и бросила его обратно.

Арсений перекрыл воду одним резким поворотом. Гул труб сменился звенящей пустотой. Они стояли посреди разрушенной ванной: полтора квадратных метра пола зияли черными провалами между уцелевшими островками глянцевой плитки. С потолка капало. Пахло сырой известью и сгоревшей проводкой.

— Жить здесь нельзя, перекрытия деревянные, может замякнуть, — констатировал он, осматривая масштаб катастрофы профессиональным взглядом реставратора. В его голосе не было паники, только сухой расчет ущерба. — Вам нужно где-то пересидеть до утра. Пока клей встанет, а аварийка выпишет акт.

До утра оставалось пять часов. За окном бушевала такая метель, что такси вызвать было невозможно, а круглосуточный строительный находился на другом конце района.

Они шли сквозь пургу под одним зонтом, который выворачивало наизнанку порывами ветра. Лидия куталась в его старую штормовку, которую он набросил ей на плечи перед выходом — тяжелую, пахнущую костром и мазутом. Внутри магазина под слепящими люминесцентными лампами они выглядели как марсиане. Арсений без колебаний бросил в корзину самый дорогой немецкий клей для сложных оснований, рулон гидроизоляции и два ведра. На кассе Лидия автоматически потянулась за картой, чтобы оплатить свою катастрофу, но он остановил ее руку своей — широкой, теплой, шершавой от микро царапин.

— Это моя вода к вам пришла, — коротко сказал он. — И мой вентиль сорвало первым. Моя ответственность.

Его логика была такой же прямой и тяжелой, как выбранный им клей. Спорить было физически больно из-за озноба.

Обратно они вернулись, когда небо начало сереть. Работали молча, спина к спине в узком пространстве ванной. От него исходил жар, словно от печки-голландки. Лидия замешивала раствор, стараясь дышать в такт скрежету шпателя по бетону. Впервые за десять лет кто-то видел ее лицо без слоя увлажняющего праймера, с растекшейся тушью и землистыми пятнами холода на скулах. Ей хотелось спрятаться, исчезнуть, но отступить было некуда — за спиной плескалась лужа на испорченном линолеуме прихожей.

К шести утра плитка легла на место. Арсений прижал ее обрезком бруса, выравнивая плоскость, и устало привалился

к дверному косяку.

— По ней нельзя ходить сутки, — выдохнул он. — И сушить феном тоже нельзя, пойдут микротрещины. Нужно просто оставить в покое.

Ванная стала полем битвы, которое требовало режима консервации. Возвращаться в ледяную квартиру Лидия отказалась наотрез — одна мысль о том, чтобы остаться наедине с запахом гниения и собственным провалом, вызывала тошноту.

— Диван в мастерской раскладывается, — глухо произнес Арсений, глядя куда-то мимо нее. — Старый, пружины торчат, зато длина почти два метра. Я лягу у стены, места хватит.

Мастерская встретила их запахом льняного масла и остывающего чая. Окно выходило во двор-колодец, где снег падал вертикально, создавая иллюзию полной изоляции от мира. Арсений бросил на скрипучий диван чистое, хоть и застиранное до желтизны белье. Лидия забралась в самый угол, подтянув колени к груди и завернувшись в плед так, что наружу торчал только нос.

Он лег с противоположной стороны. Узкое ложе издало протестующий металлический визг. Между ними оставалось не больше тридцати сантиметров пространства, сжатого старыми пружинными блоками. Лидия лежала на спине, уставившись в потолок, где танцевали тени от веток за окном. Сердце колотилось где-то в горле.

Она кожей ощущала тепло, исходящее от его тела через тонкую ткань футболки. Чувствовала ритм его дыхания — глубокий, ровный, сонный. Арсений повернулся на бок, отворачиваясь к стене. Его лопатки, обтянутые хлопком, поднялись и опустились.

Секунда колебания повисла в воздухе. Затем Лидия медленно, миллиметр за миллиметром, сдвинулась назад, сокращая ледяную пропасть дивана. Она прижалась поясницей к его позвоночнику. Контакт был случайным, вынужденным геометрией мебели, но мышцы, сведенные судорогой стресса, впервые за ночь начали расслабляться.

Он не отстранился. Вместо этого его спина расслабилась, принимая вес ее тела, становясь неподвижной, надежной опорой. Запах скипидара, смешанный теперь с запахом ее замерзших волос, перестал быть чужим. Он стал границей безопасности.

За окном продолжал гудеть ветер, швыряя горсти снега в стекло, но внутри этой полутораметровой вселенной, ограниченной старым диваном и непросохшим клеем, наступила абсолютная, оглушающая тишина.

Глава 3. Синдром отложенной жизни

Утро началось не с будильника, а с глухого удара киянки по древесине — Арсений уже час как работал, вбивая клинья в разошедшийся паз комода сороковых годов. Ритмичный стук отдавался в лопатках Лидии, пока она лежала на диване, боясь пошевелить головой. Вчерашний потоп казался сном, но затекшая шея и запах смолы утверждали обратное.

Ее внутренний таймер визжал от ужаса: девять утра, среда, релиз эпизода о квантовой запутанности должен был уйти в сеть еще вчера. Лидия рывком села, путаясь в чужом плеле. Ноутбук стоял прямо на полу, среди россыпи дубовой пыли и латунных опилок. Пластиковый корпус мгновенно покрылся серым налетом. Она открыла редактор звука, надела наушники с активным шумоподавлением, пытаясь отсечь этот варварский мир ручного труда, но каждый удар инструмента резал аудиодорожку фантомным треском.

Она сидела на самом краешке дивана, скрючив позвоночник знакомой рабочей скобой. Колени упирались в грудь, трекпад перегревал бедра сквозь джинсу. Это была ее привычная поза — поза беженца, захватившего два квадратных метра пространства в кафе или коворкинге. Лидия привыкла работать, где придется, потому что дом давно перестал быть

местом для жизни; он был лишь складом для зарядки аккумуляторов ее тела перед следующим дедлайном.

Арсений остановился. Инструмент лег на верстак с тяжелым вздохом. Он несколько секунд просто смотрел на нее — на то, как напряжены ее плечи, как побелели костяшки пальцев, сжимающих мышь, как под глазами залегли тени цвета индиго. Для него эта женщина выглядела как деталь механизма, которую забыли смазать и поставили под неправильный угол давления.

Он подошел бесшумно, несмотря на вес. Опустился на корточки рядом с ней, вторгаясь в периметр ее рабочих бумаг. От его рук пахло канифолью. Вы сломаете поясницу раньше, чем сведете баланс голосов, тихо сказал он, забирая у нее из-под ног ноутбук. — И сожжете матрицу дисплея. Теплу от батареи некуда уходить.

Лидия хотела возмутиться, сказать, что ей нужно сдать текст до полудня, что стол — это буржуазная роскошь, когда горят сроки, что она прекрасно работает на коленке. Но слова застряли в горле. Впервые за три года кто-то оценил ее физический дискомфорт выше производственного плана.

— Сидите здесь, — приказал он тоном, не терпящим возражений, и вышел во двор мастерской.

Вернулся он через десять минут, которые Лидия просидела в оглушающей тишине, слушая, как бьется ее собственное сердце. Он нес на плече массивную столешницу из старого дуба. Древесина была иссечена глубокими царапинами, по-

крыта сеткой мелких ожогов от сигарет и темными кругами от забытых чашек, но даже под слоем грязи чувствовалась ее монументальная тяжесть. Следом он принес две грубые опоры — ножки от какого-то швейного верстака, тяжелые, чугунные, со следами зеленой краски.

— Держите, — он опустил конструкцию прямо посреди комнаты, сметая рукавом стружку. — Ровный. Я проверял уровнем. Не шатается, если опереться локтем.

Лидия осторожно провела ладонью по поверхности. Дуб ответил микровибрацией — живой, теплый, питанный десятилетиями чужой истории. Это был антипод ее легкого алюминиевого стола-трансформера, который она собирала одной рукой в съемных квартирах. Тот пластик всегда гудел от вибрации вентилятора ноутбука, напоминая, что жилье временное. Этот стол молчал. Он никуда не собирался.

— Я не могу здесь остаться навсегда, Арсений, — прошептала она, сама не понимая, говорит ли об аренде квартиры или о чем-то большем. — У меня эфир сегодня. Важный. Вечером запишете, отрезал он, доставая из кармана ветошь и протирая дуб от пыли. — А сейчас завтракайте. Сосед снизу притащил яйца от своих кур, они занимают всю мою раковину.

Он ушел варить кофе, оставив ее одну с этим куском дерева. Лидия медленно пересела с пола в старое офисное кресло Арсения — скрипучее, с продавленной спинкой. Поставила ноутбук на дуб. Высота оказалась идеальной. Экран оказался

ровно на уровне глаз. Впервые за утро ей не пришлось вытягивать голову в плечи. Ноги нашли упор в тяжелой чугунной ножке.

Она открыла файл. Текст сценария поплыл перед глазами. Лидия моргнула, пытаясь сбросить наваждение, но тело отказывалось возвращаться в режим выживания. Мозг, освобожденный от необходимости ежесекундно бороться с гравитацией и болью в копчике, вдруг выдал чистую, ясную мысль. Мысль пугала своей простотой: она не могла вспомнить, когда в последний раз работала за столом, который принадлежал бы только ей. Все ее рабочие места были арендованными, заемными, чужими.

Этот тяжелый, некрасивый кусок мертвого дерева почему-то ощущался как первая неподвижность в ее взрослой жизни. Граница ее мира перестала быть нарисованной мелом на полу. Теперь у нее был берег. Прочный, неподъемный, настоящий.

Она начала печатать. Стук клавиш больше не казался одиноким криком в пустоту — теперь он звучал как диалог. Клавиши отзывались глухим, благородным эхом, падающим в бездонную тишину дубовой толщи.

Глава 4. Пятьдесят оттенков бежевого

К вечеру четверга квартира Лидии высохла настолько, что перестала пахнуть болотом и начала источать густой химический аромат осушителя воздуха. Арсений пришел с двумя ведрами краски, тремя кистями шириной в ладонь и выражением лица человека, идущего на казнь.

— Я за колеровал «Туманный альбинос», — объявил он с порога, ставя банки прямо на свежую, еще не просохшую до конца дубовую столешницу. Лидия дернулась, но промолчала, лишь молниеносно подстелила под банку кусок картона. — Это база. Нейтральная. Не будет бликовать в зуме.

Он говорил о цвете стен так, словно проектировал систему вентиляции: функционально, бездушно, идеально для отражения света от софт боксов. Лидия заглянула в открытую банку. На поверхности плавала мертвенная, стерильная белизна цвета кафеля в операционной или внутренней стенки холодильника. Цвет абсолютного нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.